УДК [316.334.2:316.2](47)

Горлов А.В.,
старший преподаватель кафедры философии и истории
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет — УНПК»

ДВА «ВЗГЛЯДА» РУССКОГО ЛИБЕРАЛА XIX ВЕКА: К.Д. КАВЕЛИН О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Автор статьи подробно анализирует эволюцию социологического осмысления развития института собственности в России одним из основоположников русского либерализма К.Д. Кавелиным в период с середины 40-х по конец 50-х гг. XIX в.

Ключевые слова: русский либерализм XIX в., социология К.Д. Кавелина, развитие института собственности в России.

Большинство российских теоретиков-обществоведов середины XIX в., занимавшихся вопросами собственности, симпатизировали раннекапиталистическому (либеральному) пути её развития. Этот путь освящает девиз laissez faire (позволяйте действовать), требующий свободной конкуренции. Поскольку тогдашнее российское общество стремилось вырваться из пут натурального хозяйства феодального типа на простор капиталистического рынка, такую ориентацию обществоведов следует считать прогрессивной, но многие из них, выступая с позиций принципа свободной конкуренции, явно перегибали палку, не замечая того, что к середине XIX века восхваляемый ими принцип уже изрядно подмочил свою репутацию во всех более или менее развитых странах Запада и заставил их правящие круги с нарастающей интенсивностью вводить в экономику элементы государственного капитализма.

Чрезмерное увлечение русских обществоведов идеалами свободной конкуренции проявилось, в частности, в изображении российского общинного землевладения XIX

века как такого древнего пережитка, который гораздо архаичнее землевладения помещиков, а потому абсолютно несовместим с капиталистической системой хозяйствования и подлежит ликвидации в первую очередь. Одним из первых за теоретическое обоснование этой антиобщинной позиции взялся выдающийся правовед и историк К.Д. Кавелин. Ещё в 1847 г. он опубликовал в журнале «Современник» статью «Взгляд на юридический быт древней России», где представил общинность как одну из древнейших форм социальной жизни, превратившуюся в новое время в явный анахронизм.

Толчком для написания статьи послужило стремление Кавелина, используя новейшие научные средства, положить конец затянувшемуся спору западников и славянофилов, совершенно по-разному объяснявших, почему, несмотря на резкое отличие русского быта от европейского, «с XVIII века наше отчуждение, холодность к Европе вдруг совершенно исчезают и заменяются тесной связью, глубокой симпатией»[1]. В ходе ответа на этот больной вопрос автор статьи предпринял смелую, новаторскую попытку изложить всю историю России — с глубокой древности по новое время — в виде стройной социологической схемы, изображающей закономерное движение русского общества по ступеням его развития.

Идея такого изображения русской истории возникла не на пустом месте. Кавелина вдохновляли социальная философия Г.В.Ф. Гегеля и позитивизм О. Конта. Опираясь на Гегеля и Конта, автор «Взгляда на юридический быт древней России» объявляет о своём намерении «оживить нашу историческую литературу»[2].

Что стоит за этими громкими словами? Исследования отечественных историков, утверждает Кавелин, «поражают какою-то бесцветностью, бесхарактерностью, случайностью выбора. Вопросы существенные, важные оставлены в стороне; мелочи поглотили всё внимание розыскателей»[3]. Для исправления ситуации автор «Взгляда...» считает необходимым взяться за исследование российской истории диалектически, т.е. представить её «как развивающийся организм, живое целое, проникнутое одним духом, одними началами. Явления её должны быть поняты как различные выражения этих начал, необходимо связанные между собою, необходимо вытекающие одно из другого»[4].

Данную цитату легко принять за фрагмент из трудов Гегеля, и не случайно: влияние великого немецкого философа на социологию Кавелина отрицать невозможно. При этом не менее сильно повлиял на неё Конт. Главная задача, подчёркивает автор «Взгляда...», состоит не в том, чтобы изобразить российское прошлое диалектически, а в том, чтобы «воссоздать историю, как она была»[5], т.е. в полном соответствии с фактами, «положительно», и здесь — несомненное влияние Конта.

Как известно, гегелевский идеализм и контовский позитивизм во многих отношениях диаметрально противоположны, что позволяет обвинить автора «Взгляда...» в эклектичности его воззрений. Почему же Д.А. Корсаков, один из редакторов Полного собрания сочинений Кавелина, отмечая, как и мы, наличие в них и гегелевского, и контовского влияния, категорически утверждает, что автор этих сочинений — не эклектик[6]? Почему такое же мнение высказал о нём выдающийся правовед А.Ф. Кони, охарактеризовавший его как «человека *цельного* в полном смысле слова, последовательного и твёрдого», более того — как «врага всяких компромиссов»[7]?

Дело в том, что Кавелин, используя в своей научной работе идеи теоретиков-антиподов Гегеля и Конта, не был наивным простаком или беспринципным бумагомарателем. Он прекрасно видел несовместимость гегелевского идеализма и контовского материализма, но справедливо рассматривал их совместное присутствие и одинаковый авторитет в сфере теоретического познания XIX в. не как нелепую случайность, а как закономерно возникшее в этой сфере отношение двух непримиримых полюсов.

С кавелинской точки зрения, идеализм и материализм — это две крайности, которые в равной степени ущербны, ибо «совершенно одинаково, хотя и в противоположном смысле, видят в одной стороне действительной жизни всю действительную жизнь»[8]. Однако идеализм и материализм не только ущербные крайности, но ещё и границы теоретического познания, поэтому их одно-

сторонность не отменяет необходимости их тщательного изучения и учёта. Исходя из такого понимания идейного наследия Гегеля и Конта, Кавелин старался использовать его не слепо, начётнически, а творчески, самостоятельно и потому не становился ни эклектиком, ни гегельянцем, ни позитивистом. В этом его поведении просматривается установка на гармоничное сочетание идеальной и материальной, философской (субъективной) и научной (объективной) сторон теоретического исследования, что делает честь талантливому русскому историку и правоведу.

Ещё одна яркая и прогрессивная черта исследования, предпринятого автором «Взгляда на юридический быт древней России», — стремление рассматривать факты исторически, не допуская их модернизации. Говоря о древних славянах, Кавелин специально предостерегает от бездумного применения аналогии с современностью при описании их чрезвычайно примитивного быта: «Сами не подозревая, мы, когда его представляем, невольно придаём ему черты теперешнего человеческого общества, судим о нём по нашему семейному быту, проникнутому гражданственностью, которой он не знал. Его создала природа, кровь; она его поддерживала и им управляла. Оттого совершенная юридическая неопределённость — его отличительная черта. Напрасно станем мы искать в нём власти и подчинённости, прав и сословий, собственности и администрации. Человек жил тогда совершенно под определениями природы: мысль ещё не освободила его от её ига»[9].

Однако отмеченные нами методологические установки Кавелина, позволяющие видеть в нём учёного с передовыми, прогрессивными взглядами, проявились в его статье о русской истории непоследовательно, и в этом нет ничего удивительного: во многих отношениях автор «Взгляда...» выступал как теоретик-первопроходец, а движение первопроходца не может быть безошибочным. Кроме того, будучи представителем дворянства — феодального класса, который в XIX веке, цепляясь за свои старинные привилегии, тормозил развитие российского общества, — Кавелин, при всей своей просвещённости, не мог не иметь кое-каких реакционных черт, делавших его теоретическую деятельность противоречивой.

Исходный древнеславянский быт автор «Взгляда...» изображает как природный («его создала природа»), и, в общем, это правильный подход, если не упускать из виду специфику человеческой природы по сравнению с биологической (в отличие от животного, человек — не просто часть природы, а такая её часть, которая находится в отношении к ней). Но Кавелин говорит о природе именно в биологическом смысле, сближая тем самым наших далёких предков с животными, а их коллективы — со стаями или стадами. «Природное» — это для автора «Взгляда...» то же, что «кровное», «родственное», и, соответственно, древнеславянская община — всего лишь группа кровных родственников.

В результате проведённого автором «Взгляда...» социологического анализа получилась четырёхчленная схема, изображающая исторический путь России в виде лестницы, ступени которой — основные этапы развития русского быта: «общинный», «родовой», «семейственный» («вотчинный») и «государственный» («гражданский»). Согласно данной схеме, сущность русской истории состоит в развитии «начала личности» через распад кровнородственных связей. При этом под началом личности Кавелин понимает «чувство особности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всём отличать себя от других»[10]. «Степени развития начала личности и совпадающие с ними степени упадка исключительно родственного быта определяют периоды и эпохи русской истории», — утверждает автор «Взгляда...»[11]. На последнем из выделенных им этапов общественная жизнь России имеет уже не родственный, а гражданский (государственный) характер.

Нетрудно догадаться, что под словом «быт» в кавелинской социологии фигурирует система собственнических связей, а кавелинское «начало личности» — это частная собственность. Таким образом, содержание «Взгляда...» представляет собой схематическое изображение развития русской собственности. Кавелин исходит из того, что жить, не имея собственности,

люди не могут, что собственнические отношения необходимы, и хотя в его сочинениях об этом нигде прямо не сказано, а кое-где даже сказано, вроде бы противоположное, при внимательном их чтении, присущее русскому социологу представление о собственности как необходимом атрибуте человеческой жизни проступает весьма отчётливо. В кавелинской социологии даже древнейший человек — собственник, правда, очень неразвитый, совершенно не сознающий своей «особности».

С точки зрения Кавелина, исходная форма жизни наших предков была патриархальной. Патриархальные отношения препятствуют развитию «чувства особности», откуда автор «Взгляда...» заключает, что они подавляют личность. По мнению Кавелина, ярко выраженная патриархальность древнерусских племён является красноречивым свидетельством отсутствия в них какой бы то ни было личной жизни: «Начало личности у них не существовало»[12].

Согласно Кавелину, мощный импульс развитию русского общества дали варяги, принесшие с собой «первые зачатки гражданственности и политического, государственного единства всей русской земли»[13]. Варяги, заявляет автор «Взгляда...», создали у нас новую систему управления. «Эта система строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совершенно равнодушна к управляемым, противополагает их интересы интересам правителя, его обогащение поставляет главною целью и резко выдвигает его лицо из среды подвластных»[14]. Такие общественные отношения Кавелин обозначил как «феодальные»[15], хотя, на наш взгляд, они имеют рабовладельческий характер и описанную русским историком варяжскую систему управления лучше рассматривать как систему частной собственности, характерной для рабовладельческого, а не феодального строя.

Мы видим, что автор «Взгляда...» связывает появление на Руси частнособственнических отношений рабовладельческого типа исключительно с деятельностью варягов, полагая, что без их влияния эти отношения не смогли бы возникнуть, распространиться и укорениться на нашей почве. Тем самым историк явно преувеличивает варяжский вклад в развитие Руси. Варяги, конечно же, способствовали нашему развитию, но русская частная собственность возникла и укрепилась благодаря закономерному кризису русского патриархального строя, т.е. под действием внутренних факторов, а вовсе не в силу внешнего, иноземного влияния, которое лишь ускорило разложение патриархального быта Древней Руси.

Симпатизируя варягам, Кавелин, однако, весьма критически оценивает их реформаторскую активность на просторах нашего Отечества: по мнению российского социолога, варяжские новшества оказались неэффективными, ибо они совершенно не учитывали местных общинных традиций. Согласно кавелинской схеме, на новый этап развития Древнерусское общество вышло стараниями не иноземцев, а «чисто русского» князя Ярослава Мудрого, который так скорректировал частнособственническую, откровенно своекорыстную политику правителя древней Руси, что его собственность, добытая и обеспеченная военной мощью его дружины, приобрела благородный, патримониальный характер. Таким образом, с точки зрения автора «Взгляда...», главный вклад Ярослава в социально-политическое развитие древнерусского общества — адаптация варяжской идеи государства к традиционным для русских славян кровнородственным отношениям, приведшая к политической консолидации страны на «родовом» начале[16].

Однако «родовой» этап быстро переходит в «семейственный», и это, по мнению Кавелина, нормально, ибо «закон развития рода — распадение, уничтожение единства. Едва успели обозначиться линии — ближайшее потомство родоначальника, — как они начали уже забывать своё кровное единство, общее происхождение, и стали преследовать свои частные, особенные цели, основываясь на правах их ближайшего предка, а не общего родоначальника. Частный, более тесный кровный союз исключал общий, обнимавший всех членов»[17].

Победа такой семейственности не означает полного исчезновения «родового начала» в русском обществе: «Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно ста-

ло определять политический быт разрозненных княжений»[18].

Эпоху «семейственности» лучше именовать «вотчинной», ибо смысл семейственности, замещающей «родовое начало», сводится к тому, что русские князья «становятся простыми вотчинными владельцами, наследственными господами отцовских имений. Их отношения к владениям, сначала неопределённые, теперь определяются. Области, княжения обращаются в их собственность, которую они делят между своими детьми»[19].

Согласно Кавелину, политическое единство Русской земли могло бы навсегда остаться в прошлом, если бы не монголы: «...Монгольское иго усилило власть великого князя и тем самым воссоздало видимый центр политического единства Руси. ... Теперь великий князь — орган и орудие ханской воли. Он действует, распоряжается князьями во имя хана. Неповиновение ему — неповиновение ханской воле, за которым следовало лишение княжеского сана, самая смерть. К услугам великого князя, ханского слуги, монгольские отряды против ослушников. ... Монголы разрушают удельную систему в самом основании, воссоздают политическое единство, словом, действуют в наших интересах, сами того не подозревая!»[20] Говоря о монголах, автор «Взгляда...», как и в случае с варягами, преувеличивает позитивную роль иноземного вмешательства в русские дела, однако то, что монголы повлияли на нашу историю не только отрицательно, но и положительно, подмечено верно и проницательно.

Усиление Москвы вывело русское общество на этап «государственного» быта: «Внешняя политика и деятельность московских государей ... перестают быть частным делом и получают высокое разумное значение. Ими удовлетворяются теперь потребности государства. Начало подданства начинает сменять начало холопства; является понятие о государственной службе, о гражданстве, о равенстве перед судом»[21].

«Древняя русская жизнь исчерпала себя вполне, — резюмирует своё исследование Древней Руси Кавелин. — Она развила все начала, которые в ней скрывались... В строгой последовательности она провела Россию сперва через общинный быт, потом через родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену истории типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника... Последним её усилием, венцом её существования, были первые зачатки государства и начало личности. В них она превзошла себя...»[22]

«Итак, — подводит Кавелин окончательный итог, — внутренняя история России — не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов. Она, напротив, — стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и после реформы. Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь ... русскими славянами. У нас не было начала личности — древняя русская жизнь его создала: с XVIII века оно стало действовать и развиваться. Оттого-то мы так тесно и сблизились с Европой; ибо совершенно другим путём она к этому времени вышла к одной цели с нами. Развивши начало личности до нельзя, во всех его исторических, тесных, исключительных определениях, она стремилась дать в гражданском обществе простор *человеку*, и пересоздавала это общество. В ней наступал тоже новый порядок вещей, противоположный прежнему, историческому, в тесном смысле национальному. А у нас вместе с началом личности человек прямо выступил на сцену исторического действования, потому что личность в древней России не существовала и, следовательно, не имела никаких исторических определений»[23].

Публикуя в «Современнике» «Взгляд на юридический быт древней России», К.Д. Кавелин выразил уверенность в том, что российский читатель увидит в его социологическом очерке «большую долю правды»[24]. Действительно ли эта доля большая? Не преувеличил ли автор «Взгляда...» научную ценность своей социологической картины, написанной яркими, живыми, но вместе с тем скупыми и кое-где небрежными мазками?

С нашей точки зрения, Кавелин не ошибся: в научном плане его социологическая схема, несмотря на все её недостатки, получилась весьма удачной. Её создателю

удалось главное — нащупать в реальной истории России действительно существующую в ней линию развития и обнаружить на ней несколько узловых пунктов.

Своё исследование русской истории Кавелин провёл в 1846 г., когда исторический материализм Маркса и Энгельса существовал лишь в намётках — мысленных и рукописных. Об этих намётках автор «Взгляда...», естественно, ничего не знал и тем не менее создал такую социологическую схему, которая сразу же вызывает ассоциации с формационными схемами марксизма.

Если отвлечься от терминологических различий, то, сравнивая кавелинскую четырёхчленку с шестичленкой Маркса, нельзя не обнаружить много общего. Во-первых, Кавелин и Маркс чётко делят историю общества на две эпохи с противоположными законами развития: у первого — догосударственное развитие (в основе — «начало природы») сменяется государственным (в основе — «начало личности»), у второго — докапиталистическое развитие (в основе — производство прибавочной потребительной стоимости) сменяется капиталистическим (в основе — производство прибавочной стоимости). Во-вторых, оба социолога считают, что первая эпоха общественного развития — это время разложения патриархальных отношений и, соответственно, освобождения человека от их влияния. В-третьих, и тот и другой делят первую эпоху общественного развития на три этапа: у Кавелина это общинный, родовой и семейственный (вотчинный) этапы, у Маркса — деспотический (азиатский), рабовладельческий и феодальный. В-четвёртых, содержание этапов первой эпохи общественного развития Кавелин и Маркс объясняют с большой степенью сходства, и об этом следует высказаться подробней, ибо здесь не всё очевидно.

Когда автор «Взгляда на юридический быт древней России» говорит про общину, он явно имеет в виду патриархальную общину, т.е. не общину, а общество или одну из форм общества. Согласно Кавелину, вначале никакой общины не было и человек жил в семье, которая могла входить в поселение (группу соседствующих семей). А вот как, по мнению русского мыслителя, появилась община: «...Главами поселений были сначала старшие по роду и летам: потому они и назывались старейшинами; по смерти одного место его заступал старший по нём. Но когда народонаселение усилилось, семьи и линии в одном поселении размножились, появилось много старших родом и летами, а кто из них старее, невозможно было определить, — стали *избирать* старейшин. <...> Лицо старейшины должно было вырасти, характер его власти изменился. Оставаясь по-прежнему патриархальной, она начинает получать лёгкий, едва заметный юридический оттенок, как и отношения семей, составляющих поселение. <...> Мало-помалу семьи привыкают, несмотря на внутреннюю разрозненность, все важные и общие дела делать вместе, поговоря между собою. Поселения становятся *общинами*»[25].

Из этой цитаты хорошо видно, что речь идёт о патриархальной общине и ни о какой другой. Таким образом, «общинный» этап кавелинской схемы — то же, что деспотический этап формационной схемы Маркса, именовавшего деспотическим (азиатским) не что иное, как патриархальный строй.

Показать существенное сходство вотчинного этапа Кавелина и феодального этапа Маркса тоже не составляет большого труда: бесконечная вражда князей-вотчинников — яркий пример свойственной феодализму социально-политической раздробленности.

Что касается средних этапов первой эпохи общественного развития (родового этапа Кавелина и рабовладельческого этапа Маркса), то здесь ситуация сложнее: на первый взгляд, ничего общего нет. Однако сходство всё-таки есть, и выше мы уже отмечали его. Вспомним, что родовой строй, о котором пишет автор «Взгляда...», — это адаптированная к патриархальным условиям Руси варяжская система государственного управления, которая в кавелинском описании очень напоминает рабовладельческую.

Указанное нами сходство социологических схем Кавелина и Маркса, конечно же, не случайно. Оно коренится в сходстве методологических основ. Мы говорили о том, что Кавелин стремился исследовать историю, используя синтез идеализма и материализма. Такая же установка была и у Маркса: его диалектический материа-

лизм имеет в своей основе синтетическое единство французского материализма и гегелевского идеализма.

Показав сходство в социологических взглядах Кавелина и Маркса, перейдём к рассмотрению различия. А оно не менее велико, чем сходство.

Прежде всего отметим существенную разницу в масштабах социологического исследования. Кавелина интересует Россия, Маркса — весь мир. Соответственно кавелинская четырёхчленка выделяет этапы одной лишь российской истории, а формационная шестичленка — мировой. Кроме того, Кавелин ограничился анализом только общественного развития России, про её дообщественное развитие автор «Взгляда...» сказал очень мало и очень неудачно, про послеобщественное — не сказал ничего, поэтому в его социологической схеме ни дообщественный, ни послеобщественный строй не фигурирует. Другое дело — Маркс: первая ступень его схемы — общинный (дообщественный) строй, а последняя — послеобщественный (коммунистический). Поэтому у Маркса — шестичленка, а у Кавелина — всего лишь четырёхчленка.

Разница в масштабах социологии Кавелина и Маркса — результат большей ограниченности тогдашней русской науки по сравнению с немецкой. С этой, главной причиной связана другая — психологическая: русский мыслитель больше, чем немецкий, ограничивал социологический охват пространства и времени, ибо больше боялся ошибиться. Но, ограничивая масштаб своих социологических исследований, Кавелин совершил не меньше крупных, существенных ошибок, чем работавший на уровне предельных обобщений Маркс.

Серьёзной ошибкой автора «Взгляда...» является изображение кровного родства как основы русской социальной жизни, начиная от её ранней древности и вплоть до нового времени. «...Наша древняя, внутренняя история была постепенным развитием исключительно кровного, родственного быта», — опрометчиво заявляет Кавелин[26], и критический отклик последовал незамедлительно.

Один из виднейших славянофилов, философ и публицист Ю.Ф. Самарин, возражая автору «Взгляда...» со страниц «Москвитянина», справедливо настаивает на том, что кроме кровного начала «в древнем нашем быту были искони другие начала, которые развивались вместе с ним, и следовательно, этот быт не был исключительно семейственным, родственным»[27]. Сам же Кавелин, отмечает Самарин, пишет в своей статье о том, что русские славяне относились к чужеземцам по-родственному, а такое поведение не свойственно народам, которые в силу своей неразвитости не имеют начала личности: «У дикарей, не признающих никаких других отношений, кроме природного родства, заезжего чужеземца чуждаются или убивают; там же, где его принимают как родного, очевидно факт естественного родства обобщился в народном сознании до понятия о нравственном, человеческом родстве и, следовательно, автор приводит факт, который прямо противоречит его определению. Кажется, автор сознавал это и думал отделаться фразою: «и на них, то есть на чужеземцев, простирался покров и благословение семейной жизни»; если *и на них*, не родных по крови с туземцами, то, значит быть, последних создала *не одна природа и кровь*»[28].

Мы видим, что Самарин обнаружил во «Взгляде...» противоречие: отрицая существование у русских славян какой бы то ни было личной жизни, даже одной лишь нравственной, Кавелин приводит факт, опровергающий это отрицание. Но гораздо серьёзней другое, ускользнувшее от самаринской критики противоречие: по мнению автора «Взгляда...», развитие древнерусского общества есть ... деградация: «...Развитие общинного быта состояло в большем и большем его распадении», «Весь наш государственный быт, от Ярослава до усиления Москвы, есть история развития родового начала, предоставленного самому себе, история его постепенного разложения и упадка»[29].

Итак, деградацию, упадок, разложение кровнородственного быта предложено рассматривать как его прогресс, развитие, рост. Явное противоречие! Откуда оно взялось? Кавелин объясняет противоречивость своего взгляда на развитие кровного быта тем, что противоречиво само это развитие: «Новая история привела меня к мысли, что оно должно состоять в посте-

пенном отрицании, распадении исключительно кровного элемента и в постепенном приготовлении личности к самостоятельному действованию»[30].

Из данного объяснения, содержащегося в ответе на самаринскую критику, видно, что Кавелин, говоря о деградации древнерусского быта, имеет в виду разложение не всего этого быта, а только его «кровного элемента», в то время как другой его элемент — личностный, — напротив, развивается, готовится к «самостоятельному действованию». Раз так, то негоже именовать всего лишь «кровным» ни древнерусский быт, ни его развитие. Тем не менее Кавелин упорно характеризует жизнь древней Руси как кровнородственную, утверждая при этом, что к такой характеристике его вынуждают исторические факты.

Однако в противоречивости кавелинской социологии виновата не столько история, сколько её неправильная интерпретация. Во-первых, древнейший быт славян и других народов, если оценивать его по существу, никогда не был кровнородственным: люди жили общинами, их единство обеспечивал общий труд, а кровное родство представляло собой всего лишь стихийно возникшую форму закрепления этого общинного единства. Во-вторых, вопреки мнению Кавелина, общине не свойственна патриархальность: патриархальная община — это, строго говоря, не община, а общество, т.е. совершенно иной, противоположный общине тип коллектива. В-третьих, развитие любого докапиталистического общества, в том числе и русского, — это развитие субъективности (самостоятельности) и его самого, и входящих в него личностей; происходящий при этом распад кровнородственных связей — не более чем побочный эффект растущей субъективности социальной жизни. В социологии Кавелина все эти моменты истории представлены неудовлетворительно, в искажённом и запутанном виде; гораздо лучше, хотя и не безупречно, отображает их исторический материализм Маркса, положивший в основу исследования человечества не понятие личности или кровного родства, а понятие труда.

Кавелина называют гуманистом, и неспроста: вся его деятельность — и практическая, и теоретическая — освящена идеей развития личности. Однако в ранних работах русского мыслителя присущий его мировоззрению гуманизм проявляет себя крайне односторонне, с явным уклоном в индивидуализм. Согласно раннему Кавелину, человек от природы единично индивидуален, его потребности исключительно своекорыстны, и потому его общение с другими людьми имеет исключительно вынужденный характер: одному не прожить, вот и приходится общаться. В результате, высмеивая Самарина за то, что тот исходит из абсолюта, Кавелин не нашёл ничего лучше, как последовать его примеру, т.е. встать на точку зрения абсолюта, но не самаринского, а другого, прямо противоположного: если самаринский абсолют — общество, то кавелинский — личность. При этом одну крайность (абсолютный альтруизм) заменила другая (абсолютный эгоизм).

Придерживаясь индивидуалистической интерпретации человеческой природы, ранний Кавелин активно проповедует эгоистический образ жизни, но в этой его пропаганде, при всей её воинственности, напористости, нет ни грана самодовольства, а временами явно проступает глубокая неудовлетворённость. Как типичный западник, Кавелин исходит из личности, но при этом, как типичный славянофил, не мыслит её без общества. «...Это такой «западник», который ближе всех других стоял к славянофилам», — справедливо отмечает В.И. Приленский[31].

Ранний Кавелин — сторонник частной собственности европейского, т.е. капиталистического, типа и, соответственно, противник русской общины. За эту прозападную и антиобщинную позицию подавляющее большинство исследователей безоговорочно относят его к либералам. Однако в кавелинской социологии с самого начала мощно проступают социальные, коллективистские черты, не свойственные классическому либерализму.

Уже во «Взгляде на юридический быт древней России» появление в русском обществе цивилизованной частной собственности преподносится как закономерный и непосредственный итог развития общинного («кровного») образа жизни — правда, развития отрицательного, т.е. распада, но стремление изобразить отечественные частнособственнические отношения как законное

детище коллективного, а не индивидуального быта налицо. Позднее под влиянием славянофильства и народничества симпатии Кавелина к общинному образу жизни значительно усилились — настолько, что в статье «Взгляд на русскую сельскую общину» (1859 г.) он, пересмотрев свой «Взгляд...» 1847 г., выступил как ярый противник негативного отношения к общинному землевладению.

Если «Взгляд...» 1847 г. видит в общинности дряхлый, отмирающий пережиток, мешающий модернизации России, то «Взгляд...» 1859 г. — здоровую основу дальнейшего развития русского общества, неисчерпаемый источник народных сил. «Община, — заявляет автор «Взгляда»-1859, — явление живое, действительное», «она органически связана со всеми сторонами нашей народной жизни, находится под их влиянием и сама на них влияет»[32].

«Взгляд»-1847 изображает переход общинной собственности в личную как всеобщую закономерность, безусловно необходимый для развития личности и общества процесс; «Взгляд»-1859, напротив, ограничивает закономерность этого перехода рядом строго определённых условий, объявляет его целесообразным для личного и общественного развития не всегда и не везде, ибо «общинное землевладение, которое обыкновенно считается запоздалым остатком варварских времён, уделом безличных масс, не представляет, за устранением ... несущественных его принадлежностей, ни одного положения, которое бы не подходило под правила любого гражданского права, наиболее благоприятствующего личной независимости и свободе»[33].

Согласно «Взгляду»-1859, полная трансформация общинного землевладения в личное (частное) не просто нецелесообразна, а прямо-таки преступна, ибо с исчезновением общины у личной собственности не останется необходимого для нормального развития русского общества противовеса. «Личная собственность, как и личное начало, есть начало движения, прогресса, развития; но оно становится началом гибели и разрушения, разъедает общественный организм, когда, в крайних своих последствиях, не будет умеряемо и уравновешиваемо другим организующим началом землевладения, — подчёркивает русский социолог. — Такое начало я вижу в нашем общинном владении, приведённом к его юридическим началам и приспособленном к более развитой и граждански-самостоятельной личности»[34].

Отметим, что «Взгляд»-1859, указывая на сходство понятий «личная собственность» и «начало личности», в то же время видит и существенное их различие, устраняя тем самым узкособственнический характер «Взгляда»-1847: теперь, спустя несколько лет, Кавелин считает недопустимым отождествлять личное начало с личной (частной) собственностью, личность с частным собственником, полагая, что личные качества можно развивать и в общине.

По мнению автора «Взгляда»-1859, устарела и стала реакционной не община как таковая — стихийно возникшая и стихийно меняющая свои формы часть русского общества, — а лишь её административная версия, созданная государством для удобного управления народными массами. «Три четверти возражений против общины ... относятся не ко всем сторонам её, а только к одной, административной», — утверждает Кавелин и предлагает правительству реорганизовать общинное землевладение в «систему мелких аренд»: «С изменением действующей ныне административной и финансовой системы, а с тем вместе и гражданских прав земледельческих классов, с постепенным прекращением переделов общинной земли и прав каждого члена общины на получение из неё участка наравне со всеми прочими, владение и пользование общинными землями перейдёт мало-помалу в пожизненное арендное содержание, которое, при известных условиях, может быть и наследственным. Но, — делает существенную оговорку русский социолог, — эта система аренд будет иметь своё особливое назначение, свой характер, совершенно отличный от аренд частных, которые, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, в промышленные спекуляции»[35].

«Особливое назначение» общинного землевладения как системы мелких аренд — это функция противовеса частной собственности, роль стабилизатора общественной жизни в процессе её капитализации. «Общинное владение, — вдохновенно убеждает

Кавелин, — предназначено быть великим хранилищем народных сил, из которого они будут непрерывно бить живою струёй и в котором будут беспрестанно обновляться для новой плодотворной деятельности. При существовании такой среды, нейтрализующей горькие и разрушительные последствия азартной промышленной борьбы, общественный организм останется в нормальном состоянии, и то, что без неё ведёт каждое общество, рано или поздно, к социальному перевороту и разрушению, то при существовании её сделается признаком жизни и здоровья, — тем же, чем обращение крови и соков во всяком органическом теле»[36].

Во избежание недоразумений Кавелин подчёркивает, что, предлагая государству модернизировать сельские общины в систему мелких аренд, он не имеет в виду создание ещё одной формы государственной благотворительной деятельности по отношению к крестьянам. Речь совсем о другом, гораздо более масштабном и важном деле, а именно о создании эффективной системы стабилизации российской общественной жизни в условиях её глубокого реформирования. «Мне кажется, — считает автор «Взгляда»-1859, — что сравнивать обеспечение для массы земледельцев оседлости и пользования землёю с общественною благотворительностью, в каких бы то ни было видах, значит не понимать вопроса. Сохранение за сельским населением возможности трудиться для себя есть мера общественной организации, которая уравновешивает экономические силы... <...> Повторяю: обеспечение землевладения за сельскими массами есть мера социальной экономии и общественного благоустройства, а отнюдь не мера благотворительности. Филантропические идиллии не имеют с нею ничего общего. Ограждение низших слоёв общества от монополии частной собственности посредством общинного владения есть государственный институт, подобно администрации, правосудию, а не чрезвычайная мера, вызываемая чрезвычайными обстоятельствами»[37].

Настаивая на придании общинному землевладению статуса одного из главных государственных институтов, русский социолог предостерегает, однако, от бюрократической централизации общинной жизни, от лишения земледельческих общин автономии по отношению к государству. «Никакое казённое управление в мире, как бы оно совершенно ни было, — аргументирует эту свою позицию Кавелин, — не в состоянии так беспристрастно и справедливо применять систему арендных участков к данным частным случаям, приспособить топографическое очертание этих участков к данной местности, к ближайшим потребностям и целой мирской общины и каждого из её членов, как именно та община, которая поселена на этих участках»[38].

С кавелинской точки зрения, Россия середины XIX в., отставая в развитии от промышленных стран Запада, имеет перед ними то блестящее преимущество, что благодаря сохранившейся в ней сельской общине способна двигаться по пути мирового прогресса не так болезненно, драматично, зигзагообразно, как они, а значит, быстрее, эффективнее и основательнее, чем они. В связи с таким пониманием сложившейся в стране и в мире ситуации Кавелин, завершая «Взгляд на русскую сельскую общину», призвал всех, кто заинтересован в успехе назревших российских реформ, всемерно содействовать реализации присущих общинному землевладению уникальных возможностей в деле обеспечения нормального общественного развития[39].

Если к общинной собственности автор «Взгляда на русскую сельскую общину» относится трепетно, благоговейно, то к личной (частной) собственности — сдержанно, настороженно. Следует ли рассматривать это как свидетельство переориентации Кавелина с либерализма на социализм? Нет, не следует. Вспомним, что при всём своём трепетном, чрезвычайно уважительном отношении к общинной собственности, автор «Взгляда»-1859 отводит ведущую роль в капиталистическом развитии российского общества не ей, а её конкурентке — личной собственности. Согласно Кавелину, последняя — локомотив («начало движения»), а первая — всего лишь рельсы. Конечно, роль рельсов нельзя недооценивать, она — почётная, благородная, чрезвычайно полезная, но — второстепенная, а главная, ведущая роль принадлежит локомотиву.

Во «Взгляде»-1859 община не столь пассивна по отношению к личности, как во

«Взгляде»-1847, но всё равно — пассивна. Несмотря на ряд серьёзных изменений, происшедших в социологических взглядах Кавелина в промежутке между 1847 и 1859 годами, личное начало не утратило своей доминирующей роли в его социологии, а сам он продолжал оставаться убеждённым либералом — со всеми вытекающими из этой его социально-политической позиции позитивными и негативными следствиями.

[1] Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. — СПб., 1897. — С. 7.
[2] Там же. С. 10.
[3] Там же. С. 9.
[4] Там же. С. 10.
[5] Там же. С. 9.
[6] Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. — СПб., 1897. — С. XXVIII.
[7] Кони А.Ф. Памяти Константина Дмитриевича Кавелина // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. — СПб., 1899. — С. XI, XII.
[8] Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. — СПб., 1899. — С. 257.
[9] Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. — СПб., 1897. — С. 19.
[10] Там же. С. 17.
[11] Там же. С. 18.
[12] Там же. С. 17.
[13] Там же. С. 24.
[14] Там же. С. 25.
[15] Там же. С. 24.
[16] Там же. С. 26.
[17] Там же. С. 28.
[18] Там же. С. 37.
[19] Там же. С. 38.
[20] Там же. С. 42.
[21] Там же. С. 46.
[22] Там же. С. 56—57.
[23] Там же. С. 65.
[24] Там же. С. 66.
[25] Там же. С. 21—22.
[26] Там же. С. 14.
[27] Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. — М., 1877. — С. 33.
[28] Там же. С. 46.
[29] Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. — СПб., 1897. — С. 22, 26.
[30] Там же. С. 77.
[31] Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. — М., 1995. — С. 201.
[32] Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. — СПб., 1898. — С. 161.
[33] Там же. С. 171.
[34] Там же. С. 182—183.
[35] Там же. С. 176.
[36] Там же. С. 182.
[37] Там же. С. 188—189.
[38] Там же. С. 190—191.
[39] Там же. С. 194.

Gorlov A.V., e-mail: strix63@yandex.ru
Senior lecturer of the department of philosophy and history of FSBEE HPE "State University — ESIC"

TWO "POINTS OF VIEW" OF THE RUSSIAN LIBERAL OF THE XIX CENTURY: K.D. KAVELIN ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PROPERTY IN RUSSIA

The author analyzes in detail the evolution of sociological understanding of the institution of property in Russia, one of the founders of Russian liberalism K.D. Kavelin from mid 40's to late 50's. XIX c.

Key words: Russian liberalism of the XIX c., sociology of K.D. Kavelin, development of the institution of property in Russia.